

Р.И. Попова

Жизнь и творчество М.А. Волошина (в сокращении)

Предки М.А. Кириенко-Волошина — казаки запорожской вольницы. В автобиографии он сообщает: «Родился в Киеве 16 мая 1877 года. Кириенко-Волошины — казаки из Запорожья». В семье хранилась память о них в реликвиях, рассказах.

После смерти отца Волошин вместе с матерью переезжает в Москву: на окраине города, неподалеку от Бутырской тюрьмы, прошли его детские годы.

Они жили на Новой слободке у Подвисков, там, где как раз в это время Суриков писал этюды. Позднее Волошин напишет превосходную монографию о творчестве Сурикова. А пока для четырехлетнего мальчика это была первая встреча с прославленным художником.

Мать Волошина принимала деятельное участие в образовании сына и стремилась привить мальчику любовь к литературе и искусству. Он рано научился читать. Герои Андерсена, Виктора Гюго, Майн-Рида и Купера становились участниками его детских игр. Но особенно любил он читать стихи, запоминая целые главы из поэм Пушкина и Лермонтова.

С десяти лет его определили в частную гимназию Поливанова, но за неимением средств перевели в Первую московскую казенную, где царили муштра и бессмысленная зубрежка. С грустью вспоминает Волошин об этом времени учебы, о том, как трудно было ему принимать эту «классическую замазку», приготовленную из вечно юных стихов Гомера, наивно простых записок Ксенофонта, грандиозно-прекрасных мыслей Платона, из которых тщательно было вытравлено все живое и всякие мысли».

Из чувства «самосохранения» он все более углубляется в книги, гораздо большему учась у них, чем на гимназических уроках. Стихи он начал писать с тринадцати лет. Первым его юношеским увлечением был Пушкин. Зачитывался он Надсоном и Эдгаром По и даже писал в подражание им. В автобиографии он записывает: «Тоска и отвращение ко всему, что в гимназии и от гимназии; мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом». Самым светлым воспоминанием детства была для него поездка в Севастополь, где он впервые увидел море и скалы, корабли в порту и мерцающие огни маяков. Заветной мечтой Волошина стал Крым как олицетворение самого прекрасного в мире. Жить в Крыму и писать стихи — вот предел его юношеских мечтаний. Вскоре оказалось, однако, что в его желаниях не было ничего несбыточного. Прошло немного времени, и в жизненных обстоятельствах Волошина наступили перемены. Это было связано с тем, что в 1893 году, выслужив пенсию, мать Волошина переселилась на Черноморское побережье, купив небольшой участок земли неподалеку от Феодосии в долине Коктебеля.

Эта земля была тогда еще пустынной и полудикой. Сама деревушка располагалась далеко от моря и состояла из нескольких домиков и старой разрушенной мечети. Волошин ликовал. 17 марта 1893 года в дневнике появилась такая запись: «Сегодня великий день! Сегодня решено, что мы едем в Крым, в Феодосию и будем там жить <...>. Теперь на юг! На юг! На этот <...> прекрасный, чудесный юг!..»

Так 15-летним восторженным гимназистом он пишет в нетерпеливом ожидании переезда в Крым: «Навсегда! <...> Теперь прощай все, что было раньше... Мне кажется, что вот именно теперь, только теперь начинается настоящая жизнь».

Ему по душе были эта «неприглядность пейзажа, наводящая на грустные размышления», и безлюдье, и перезвон овечьих бубенцов, и пронизывающий ветер — вся первозданность природы.

Все здесь было для него таинственным, волнующим, полным загадочного смысла, а сама земля — интереснейшей книгой, в которой столько непрочитанных страниц.

Генуэзские крепостные стены, античные руины, скифские бабы и мраморные плиты с таинственными надписями — все это, увиденное воочию, поразило юношеское воображение, изощренное чтением Гомера, Овидия, Вергилия.

Не раз он ходил пешком из Коктебеля в Феодосию, где заканчивал гимназический курс, и подолгу любовался панорамой голубых скал и моря. Мысли и чувства приобретали особый строй, и ему казалось, что он слышит гекзаметр в шелесте волн и шуме прибоя, а каждый парус вдали казался ему вестником Эллады.

Среди учащихся феодосийской гимназии Волошин выделялся разнообразием интересов и увлечений. Он писал стихи, участвовал в театральных постановках, рисовал.

Однажды, в честь Айвазовского, который был попечителем гимназии, устроили выставку произведений учащихся. С интересом осмотрев ее, Айвазовский задержался у работ Волошина и сказал: «А этот шельмец будет рисовать». Об этом случае иногда вспоминал Волошин в беседе с друзьями.

В 1897 году Волошин оканчивает гимназию и надолго расстается с Крымом.

Максимилиан Волошин поступает на юридический факультет Московского университета.

Круг его интересов уже необычайно широк. Он увлекается Ибсеном, Гауптманом, Метерлинком, читает Достоевского, Тютчева, Малларме. В это время значительное влияние оказывают на формирование мировоззрения Волошина Ницше и Владимир Соловьев, которые, по его словам, дали ему «возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно — с высоты Азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей». Он занимается переводами французских поэтов, рецензирует для «Русской мысли», помещая там иногда и свои статьи, заметки, посещает театры, интересуется изобразительным искусством. Интерес к живописи и поэзии отодвинул на второй план науку о праве. Однако Волошин принимал участие в общественно-политической жизни студенчества. Он выступал на митингах и студенческих собраниях, а когда по университету раздался клич: «Коллеги, на сходку!», Максимилиан Волошин был в первых рядах. В феврале 1899 года началась всероссийская студенческая забастовка. За участие в беспорядках Волошина исключили из университета на год и выслали из Москвы. Он едет за границу, путешествует, осматривает музеи, пишет стихи.

Вернувшись на родину, Волошин восстановился в числе студентов, но осенью 1900 года последовала новая высылка, и он отправился в Ташкент. Друзья помогли Волошину пристроиться к научной экспедиции. В его обязанность входило делать промеры новой ташкентско-оренбургской железной дороги. «На казенный счет» он прошел тысячи верст с караваном по пустыне от подножия Памира до северных границ современного Казахстана.

1900 год, рубеж двух эпох, был значительным для Максимилиана Волошина, который считал его годом духовного рождения.

Рыжие степи пустыни, сыпучая рябь барханов, залитые солнцем буддийские храмы и монастыри — все увиденное обогащало творческую натуру.

Зрительные впечатления вылились в стихах изысканных и гармонических, как вязь восточного орнамента. Одно из них было вскоре напечатано в журнале «Новый путь».

...Застывший зной. Устал верблюд.
Пески, извивы желтых линий.
Миражи бледные встают —
Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещутся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана .

Уже в этом стихотворении намечается присущая Волошину характерная черта тонкого живописного восприятия явлений природы.

Весной 1901 года Волошин получил разрешение вернуться из ссылки, но положение политически неблагонадежного лишило его возможности продолжить образование в России. И он уезжает за границу, где проводит с перерывами ряд лет.

Собственно, путешествуя по городам Западной Европы начиная с 1899 года, Волошин занимался самообразованием, в частности, слушал лекции по философии в Берлинском университете, усовершенствовался в языках, впитывал в себя атмосферу западной культуры. «В эти годы — я только впитывающая губка, я весь — глаза, весь — уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам», — вспоминал он впоследствии. Много времени Волошин провел в берлинской Национальной галерее. Глубокое впечатление в нем оставили работы Дюрера. Репродукцию гравюры Дюрера «Меланхолия» и сейчас можно увидеть в кокетельском доме поэта среди наиболее дорогих ему вещей.

Он побывал в Мюнхене и Базеле. В картинной галерее Базеля познакомился с творчеством Беклина. Своей статьей «А. Беклин», напечатанной в газете «Русский Туркестан», Волошин откликнулся на смерть художника. Это была первая статья будущего автора «Писем из Парижа», в которой Максимилиан Волошин сочетает качества любознательного путешественника и тонкого ценителя искусства.

Ранней весной 1901 года Волошин обосновался в Париже. Давно он мечтал пожить в этом городе поэтов и художников. Многие ему были уже знакомы по предыдущим поездкам. К тому же в Латинском квартале, где поселился Волошин, часто слышалась русская речь. От этого ему дышалось легче, он не чувствовал себя одиноким, и город не казался чужим.

Он без устали бродил по старинным кварталам Парижа. Пребывание в Париже многое определило в жизненной и творческой биографии Волошина. Здесь он утверждает себя как поэт, здесь он начинает заниматься живописью.

Полный интереса к окружающей жизни и людям, к литературе и искусству, Волошин стремится, как всегда, больше увидеть, узнать. Программой для Волошина стало неумемное желание:

Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями.
Все воспринять и снова воплотить.

Большой интерес к изобразительному искусству, желание «самому пережить, осознать разногласия и дерзания искусства» способствуют тому, что он сам решил заняться живописью. С этой целью он посещает мастерскую Е. Кругликовой, студии Уистлера и Стейнлена, натурные классы академии Коларосси.

Мастерская, или, как называли в Париже, ателье Кругликовой было известно не только в Париже, но и в России. Его посещали и там работали многие художники. Как вспоминает Александр Бенуа, «стоит русскому юноше явиться на rue Boissonade, как через полчаса беседы с хозяйкой дома Париж становится уже для него менее жутким и чужим...»

Здесь, в мастерской, Волошин постигает законы перспективы и композиции, вместе с другими осваивает сложную технику офорта и монотипии. По существу, первые уроки профессионального мастерства получены Волошиным именно здесь. Но Кругликова и само пребывание в ее мастерской давали Волошину гораздо больше, чем только знание основ искусства. Мастерская Кругликовой была своеобразным клубом для многих русских, живущих в Париже, здесь собирались художники, писатели, поэты, здесь читали стихи, показывали новые картины, графические листы.

Волошин наслаждался этой «атмосферой свободы». Он был принят в это общество и в скором времени стал одним из самых активных участников. «Очень скоро Макс становится центром моего круга знакомых, бесконечно увеличивая его», — писала Е. Кругликова.

В разное время Волошин знакомится здесь с М. Ковалевским, В. Ивановым, Н. Гумилевым, Н. Минским, А. Толстым. Часто здесь читал стихи К. Бальмонт. Из художников друзьями его стали А. Бенуа, К. Петров-Водкин, А. Головин, А. Шервашидзе, А. Остроумова-Лебедева, А. Якимченко и, конечно, сама Кругликова. В это время Волошин сближается со многими французскими поэтами, художниками, бывает в их мастерских. Он знакомится с Анатолем Франсом, Роменом Ролланом, Пабло Пикассо, с Диего Ривера, который делает несколько экслибрисов Волошину. Владислав Слевинский, близкий друг Гогена, и Диего Ривера пишут его портреты. Эдуарду Виттигу он позирует для «Бюста поэта», установленного на площади в Париже.

Волошин не расставался теперь с альбомом и карандашом. На бульварах и площадях, на набережных Сены, в скверах и уличных кафе делает зарисовки, быстрые наброски, этюды. Больше всего Волошина интересовала жизнь Парижа, праздничного и будничного, а не «штудии» и академические постановки.

Эти листы небольшого формата объединены под общим названием «Парижские альбомы», хотя многие странички заполнялись набросками и рисунками во время путешествий Волошина по Италии, Греции, Испании. Есть зарисовки, сделанные в Берлине, Петербурге, Москве, Феодосии и в его любимом Коктебеле, в Крыму. Уличные сценки, эпизоды из жизни парижской богемы, зарисовки в музеях, многочисленные портретные, архитектурные и пейзажные зарисовки, проекты витража и его собственного «дома поэта» — таков далеко не полный перечень сюжетов «Парижских альбомов».

Волошин всегда считал, что «реализм это вечный корень искусства, который берет свои соки из жирного чернозема жизни. Наблюдение, документ — натурализм — это основа всякого искусства. Но надо уметь обращаться с собранными документами». И Волошин учился обращаться с этими документами, искал новые средства выражения.

Увлекаясь поисками более выразительных средств, Волошин переходил от одной техники к другой: перо, тушь, акварель, темпера, гуашь, смешанная техника. Иногда он выполнял рисунок утонченным изысканным штрихом, в другом случае — имитировал линогравюру. Некоторые его рисунки носят характер мозаики, какая была принята в то время в журнальной графике. Сотрудничая как литератор, как критик в журналах «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», в альманахе «Северные цветы», в издательстве «Гриф», Волошин помещал там иногда свои рисунки, гравюры, виньетки.

«Я хочу сделать целый номер, взяв мотивы из готических чудовищ...», — писал он Брюсову, редактировавшему «Весы».

Волошин мог стать превосходным портретистом, если бы не отошел от этого еще в начале творческого пути. В его портретных зарисовках много острых, как эпиграммы, метких характеристик, дающих яркое представление о друзьях и знакомых Волошина, с которыми он встречался в Париже. Зарисовки «Парижского альбома» представляют большой интерес как своеобразная летопись парижского окружения Волошина. Есть в альбомах и архитектурные виды тех мест, где бывал Волошин, старые улочки Парижа, романтические пейзажи Севильи, виды североиспанских городов, Римской Кампании, множество рисунков Коктебеля и его окрестностей. Небольшие, в размер конверта, этюды, написанные в Феодосии и Коктебеле, поразили в свое время К. Богаевского. «Иные из этих этюдов были написаны то обыкновенной спичкой, то зубочисткой (ими накладывалась краска на холст), отчего получалась своеобразная фактура письма... В этих небольших, очаровательных своей ясностью этюдиках маслом был виден весь Макс — будущий поэт Киммерийских стихотворений».

Рисунки «Парижских альбомов» переплетаются с записями строчек будущих стихов, черновыми набросками сонетов. «Парижские альбомы» Волошина — это своеобразные дневники, свидетельствующие о том, что увлечение изобразительным искусством было только частью его художественных интересов.

Кроме практических занятий живописью, Волошин продолжает общее гуманитарное образование. Он слушает курс лекций в Луврской школе музееведения, знакомится

с многочисленными коллекциями парижских музеев: Лувра, Гимэ, Трокадеро. Наряду с классическим искусством его интересовало и новое.

Своими впечатлениями от выставок Волошин поделился с русскими читателями в серии статей «Письма из Парижа».

«Что касается меня: я весь с головой в живописи. Чувствую хронический недостаток в том, чего в Париже ужасно мало: во времени. Разрываюсь между Академией и Национальной библиотекой...», – писал он Брюсову.

Однако усиленные занятия не могли заглушить в нем интерес к путешествиям. Стремительный темп парижской жизни он прерывал многочисленными путешествиями по странам Западной Европы и поездками в свой «торжественный Коктебель».

Свое первое путешествие Волошин совершил еще гимназистом.

По словам М.С. Волошиной, вдовы художника, в дни каникул на фелюге турецких рыбаков отправился он в Константинополь, бродил по узким ступенчатым улочкам бывшей столицы Византийской империи, любовался тонкими башенками минаретов, громадными куполами Айя-Софии.

Непоседливого, неутомимого, его постоянно влекла новая дорога. С рюкзаком за плечами, этюдником и походным альбомом для набросков, один или с группой друзей добирался он из Франции до испанской границы, шел пешком по пыльным дорогам Андалузии и Кастилии, по горным тропам Андорры. «Для того, чтобы узнать страну, – говорил он, – необходимо ощупать ее подошвами своих ног». С гордостью писал Волошин, что у него «ступни горят, в пыли дорог душа».

Максимилиан Волошин был сторонником «вольных походов» не по проторенным дорогам известных маршрутов. Он находил, что богатые люди не видят самого интересного; их водят по шаблону, а дорогие отели всюду на один лад. Он путешествовал по своим собственным маршрутам, на гроши, ночуя в ночлежных домах. Так побывал он в маленькой, затерянной в горах стране — Андорре, в заброшенном картезианском монастыре на острове Майорка, где некогда жили Шопен и Жорж Санд; по каменистому руслу в Альпах поднимался через ледник к границе трех государств — Австрии, Швейцарии, Италии. В Мадриде, в музее Прадо, Волошин любовался полотнами Веласкеса и Гойи, в Толедо — росписями Эль Греко. В Италии знакомился с образцами античных творений Греции и Рима. Его поразили римские скульптурные портреты своей достоверностью и завершенностью характеристик: «это страницы Тацита, запечатленные в мраморе».

По его собственному признанию, это время было для него периодом поисков; «...смотрел на живопись, как на подготовку к художественной критике и как на выработку точности эпитетов в стихах». Поэтому зачастую, прежде чем написать пейзажное стихотворение, он делал зарисовки, а иногда наоборот — находил точные слова для передачи оттенков в пейзаже.

Так в пути, на коротких привалах рождались стихи, вошедшие впоследствии в цикл «Годы странствий», а пейзажные зарисовки в дорожных альбомах были основой серии его пейзажей-воспоминаний «По Испании, Греции, Италии».

Перед началом войны Волошин из России снова отправился в путешествие: был в Румынии, Германии, Швейцарии. Во время первой мировой войны русская граница была закрыта, и только в 1916 году ему удалось через Англию и Норвегию вернуться в Россию. По условиям военного времени запрещалось рисовать с натуры. Вернувшись, Волошин рисует по памяти пейзажи тех стран, где ему приходилось бывать. В этих работах творческая фантазия художника опирается на глубокое знание и наблюдения природы.

Надо отметить, что Волошин, уже имея творческий опыт в живописи, считал для себя самым серьезным испытанием на звание художника — Киммерию. В беседе с друзьями он неоднократно заявлял, что никогда, может быть, не стал бы художником,

если бы с детства не встретился с этой прекрасной землей, открывшей ему подлинную красоту суровых скал и моря,

В течение около двадцати лет, изо дня в день, Волошин писал свои акварели, находя все новые и новые возможности передавать свои поэтические раздумья и живые впечатления природы.

Большую часть акварелей Волошин сопровождает стихотворными надписями, своеобразным поэтическим комментарием, рождавшимся одновременно с образами его пейзажей во время одиноких прогулок по Коктебелю.

Камень зноем дня во мраке горячи.
Луга полынные нагорий тускло-серы...
И низко над холмом дрожащий серп Венеры,
Как пламя воздухом колеблемой свечи.

Сквозь зелень сизую растерзанных кустов
Стальной клинок воды в оправе гор сожженных.

Сквозь серебристые туманы
Лилово-дымчатые планы
С японской лягут простотой.

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы, зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл...
Здесь душно в тесноте, а там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

После установления Советской власти в творчестве Волошина наступает новый этап, но тематика его остается прежней.

Он безвыездно живет в Коктебеле. «Вернувшись весной 1917 года в Крым, я уже больше не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую. И все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой».

Волошин отказался выехать за границу, когда ему была предоставлена такая возможность. Совнарком выдал ему охранную грамоту в том, что «писатель и художник М.А. Волошин находится под покровительством Советской власти, а дом, мастерская, библиотека и архив как государственная ценность реквизиции не подлежат».

С первых дней установления Советской власти в Крыму Волошин принимал активное участие во всех культурно-просветительных мероприятиях. В 1920 году в освобожденной Феодосии он создал народный университет культуры, где читал лекции красноармейцам, матросам, рабочим порта. Доходчиво и увлекательно рассказывал о литературе, о мировых сокровищах искусства. В Севастополе, Старом Крыму, в Симферополе он выступал на вечерах поэзии с чтением стихов. Волошин был одним из организаторов общества охраны памятников в Крыму. Им были составлены первые списки архитектурных и исторических памятников Феодосийского уезда.

Познания в археологии, геологии Крыма дали Волошину возможность предположительно указать местонахождение древнего города венецианской Каллиеры близ Феодосии и остатки генуэзского мола.

Находки археологических экспедиций доказали верность предположений Волошина. Каллиера существовала не только в воображении поэта и художника. Волошин обнаружил в районе между холмами Коктебельской долины — восходящие потоки воздуха, необходимые планеристам. Спустя некоторое время в районе Коктебеля (ныне Планерское) была организована школа планеристов.

«Камешком лежит в ладонях Коктебеля» на самом берегу залива дом с венецианскими окнами и башенкой-балконом. Это дом Волошина, построенный по его собственному проекту еще в 1903–1913 годах.

Мечта, родившаяся в скитаниях по чужим странам, осуществилась. Дом Волошина был задуман им как «колония для художников, поэтов, композиторов, путешественников, в общем для бродяг в лучшем смысле слова». Он стал любимым пристанищем для многих представителей русской культуры.

Еще до революции здесь бывали в разное время Горький, А. Белый, Мандельштам, Цветаева, А.Н. Толстой, Эренбург, Брюсов, Грин. Здесь были многие выдающиеся художники — Кругликова, Поленов, Петров-Водкин, Бенуа, Остроумова-Лебедева.

Горький читал здесь свои рассказы и «Сказки об Италии». Брюсов писал стихи. Здесь устраивались состязания поэтов, сочинялись сценарии кинофильмов. «Семья Волошина была обширной по своему составу, – вспоминает Остроумова-Лебедева, – люди всевозможных профессий, характеров, возрастов, многочисленные друзья, знакомые и незнакомые жили в этом доме безвозмездно». В доме Волошина всегда царил атмосфера творчества, радушия и дружбы.

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом открыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, белых известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

Сразу же после революции в доме поэта была создана первая в Крыму коммуна для писателей, художников, ученых — своеобразная литературно-живописная студия, организацию которой приветствовал Луначарский.

«Максимилиан Волошин с полного одобрения Наркомпроса РСФСР устроил в Коктебеле в принадлежащем ему дому бесплатный дом отдыха. Наркомпрос считает это учреждение чрезвычайно полезным, просит все военные и пограничные власти оказывать в этом деле Максимилиану Волошину всяческое содействие».

По-прежнему радушно встречал Волошин у себя в Коктебеле литераторов, художников, музыкантов. К нему приходили и жители Коктебеля, виноградари, рыбаки. У всех, кто бывал у него в доме, кто лично встречался и беседовал с ним, сохранился образ человека высокообразованного, для всех доступного, ласкового и щедрого, а главное — человека с любящим сердцем, открытым для всех.

Творчество Волошина пока еще мало известно широкому кругу читателей и зрителей. Меж тем, на общем фоне русского искусства начала XX века его деятельность как поэта, искусствоведа, публициста, художественного и театрального критика была весьма значительна. Универсальность его творческой деятельности, широкая эрудиция поражали даже самых образованных его современников.

В цикле статей «Письма из Парижа», помещенных в русских журналах, альманахах и газетах («Русь», «Весы», «Золотое руно», «Перевал», «Северные цветы» и др.), Волошин познакомил русских читателей с творческой жизнью Парижа того времени. Он писал о выставках, о творчестве отдельных художников, давал обзоры новых балетных постановок, парижских театральных сезонов, проявляя при этом обширную эрудицию. Оригинальные, острые, написанные блестящим литературным стилем, они вызывали большой интерес. Волошин писал статьи о Нестерове, Голубкиной, о Сурикове и Сарьяне, о древнерусской иконе и особенно много о живописи Богаевского. Вопросы, поднятые в этих статьях, и сейчас не утратили интереса. Так, в 1904 году он опубликовал статью «Скелет живописи» — это своего рода трактат о специфике изобразительного искусства, о высоком назначении художника-творца. «Художники — глаза человечества, — пишет он. — ...Они открывают в мире образы, которых никто не видал до них».

Большой интерес представляет монографический очерк Волошина о В. Сурикове. Великий мастер исторических полотен по предложению И. Грабаря выбрал его себе в биографы, так как считал, что именно с ним он может говорить как художник с художником. Дословные записи этих бесед являются редким искусствоведческим

документом. Рукопись этой монографии отличается своеобразной формой изложения материала. В записях бесед Волошин сохранил живой разговорный язык, своеобразный сибирский колорит речи самого Сурикова.

С большим вниманием относился Волошин к талантливым соотечественникам. Он умел гордиться и радоваться успехам других, как своим. Многим начинающим художникам он помогал устраивать выставки, поддерживал начинающих поэтов. «Всегда он кого-то выводил в литературный свет, — писал И. Эренбург, — помогал устраивать выставки, сватал редакциям русских журналов молодых французских авторов, доказывал французам, что им необходимо познакомиться с переводами русских поэтов».

Важнейшим свидетельством жизненной и творческой биографии этого сложного и многогранного человека является коктебельский дом Волошина. «Дом поэта», как его называют, — достопримечательность коктебельской долины, это редкий историко-художественный, мемориальный памятник, в котором отражена целая эпоха русской культуры конца XIX — начала XX века. Благодаря заботам жены и друга Волошина Марии Степановны все здесь сохранено, как было при его жизни.

В обширной мастерской, в рабочем кабинете хранится замечательная библиотека: произведения русских и зарубежных классиков, редкие книги по археологии, мифологии, живописи, архитектуре, искусствоведческая литература и многочисленные поэтические сборники.

Мастерская художника — мольберт, палитры, кисти, акварельные краски, пастельные мелки и прочие принадлежности живописца. Южная стена напоминает апсиду готической церкви с высокими окнами, а в глубине мастерской — ниша со скульптурой Таиах. Вдоль стен мастерской и кабинета — стеллажи, сделанные, как и многое другое, руками хозяина. Здесь собраны уникальные произведения искусства: фрагменты античной керамики, найденной Волошиным в Крыму, древнеегипетская скульптура, раковины из Индийского океана, обломок древнего корабля, обшитый медными пластинками, бюст Волошина работы Э. Блох, ученицы Родена, авторское повторение «Бюста поэта» работы Витти га, который установлен в Париже, полотна знаменитого мексиканского художника Диего Ривера, произведения русских художников Кругликовой, Головина, Остроумовой-Лебедевой, Бенуа, Петрова-Водкина, Богаевского и работы самого Волошина. В 1932 году, незадолго до смерти (11 августа 1932 года), Волошин этот дом подарил Союзу писателей. Ныне здесь открыт дом-музей М.А. Волошина — филиал Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского.

Все, что находится в этом доме, убеждает в том, что здесь жил человек яркого и своеобразного дарования, пронесший через всю жизнь любовь к родному краю, посвятивший ему всю силу своего таланта.

На гребне холма у голубого Коктебельского залива — могила Волошина.